

DOI 10.18522/2415-8852-2023-1-19-35

УДК 101.9 + 930.1

СОБЫТИЕ: ИСТОРИЯ ВНЕ СЮЖЕТА**Андрей Андреевич Олейников**

кандидат философских наук, доцент, соруководитель программы «Политическая философия» в Московской высшей школе социальных и экономических наук (Шанинка) (Москва, Россия); приглашенный исследователь Билефельдского университета (Билефельд, Германия)

e-mail: andrey.oleynikov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3593-3882

Аннотация. Автор ищет возможность для анализа свободной от детерминистских и конструктивистских установок научного мышления, а также несводимой к логике и прагматике структуралистского и нарративистского подходов природы исторического события. Он отправляется от хайдеггеровского его понимания как «не-обходимого» научной историографии и так называемой «непотаенной» истины. Поскольку внутри хайдеггеровского «бытийно-исторического мышления» событие обнаруживает свою производность от нарративной структуры «истории бытия», делается попытка прояснить свойства исторического события, по Хайдеггеру, обратившись к неопрагматистской его интерпретации, предложенной в работах Р. Рорти. Последний видит заслугу Хайдеггера в открытии *контингентности* любого человеческого проекта. Однако Хайдеггер, по мысли Рорти, оказался не на высоте сделанного им открытия. Ему не хватило самоиронии, чтобы воздержаться от представления собственной, конечной и контингентной, истории западной мысли в терминах «истории бытия» и «события» его истины. При этом Рорти не скрывает свой скепсис в отношении способности философов обходиться без «судьбоносного» исторического смысла. Рорти не предусматривает никакой специфичности исторического события, редуцируя ее без остатка в пользу «приватного самосозидания», осуществляемого средствами художественного нарратива. Поэтому автор находит более подходящей для прояснения контингентной природы исторического события работу «Эффект реальности в историописании» Ф. Анкерсмита, согласно которой «нефункциональность» деталей экфрасиса может радикально менять смысл исторического повествования и даже упразднить дистанцию, отделяющую прошлое от настоящего. Текст заканчивается кратким обзором концепций исторического события, существующих в современной исторической теории независимо от Анкерсмита, но обнаруживающих сходный взгляд на контингентность этого события.

Ключевые слова: событие, контингентность, исторический нарратив, теория истории, темпоральный поворот

*Das Unzulängliche
Hier wird's Ereignis*¹.
J.W. von Goethe. „Faust“ II

В известной работе «Наука и осмысление», раскрывая сущность науки Нового времени, М. Хайдеггер указывает на действующее во всех ее областях *необходимое* (unumgängliche), «которое всегда уже заранее живет внутри их опредмечивания и от которого они всегда так или иначе зависят, никогда, однако, не будучи в силах обставить своим представлением полноту его существа» [Хайдеггер 1993: 249]. Для физики таким *необходимым* является природа, для филологии – язык, для психиатрии – душа. Оно действует в каждой из этих наук как их основная предпосылка, *sine qua non*, чей смысл остается для них до конца непостижим. *Необходимое* исторической науки (Historie) Хайдеггер называет словом *Geschichte*, которое В. Биbihин достаточно рискованно², но совершенно оправданно, на мой взгляд, передает как «событие». Чем так понятие событие отличается от научной истории? Вот чем:

«Слово “история” (ιστορειν) означает осведомление и описание, именуя тем самым определенный род научного представления предмета. Слово “событие”, наоборот, означает нечто совершающееся постольку, поскольку таким-то и таким-то образом уготовано и предопределено, т. е. пред-решено и послано исторической судьбой. Историография есть изучение событий. Но история вовсе не создается впервые историографическим рассмотрением. Все историко-научное, все представленное, установленное по способу историографии отправляется от событий, опирается на их посланность. А события совсем не обязательно вписываются в историографию» [Хайдеггер 1993: 249].

Неспособность наук сделать *необходимое* предметом своего рассмотрения вызывает у них тревогу, которая неотступно преследует их с момента возникновения. И хотя история, казалось бы, положительно отличается от других наук тем, что может изучать свое собственное прошлое и, следовательно, должна иметь лучшие шансы постичь свое предназначение, тем не менее, по Хайдеггеру, она также обречена оставаться слепой к событию, сделавшему (и продолжающему делать) ее возможной.

¹ Несовершенное / Исполнится событием: из финала трагедии И.В. Гёте «Фауст» (Мистический хор).

² Рискованно – потому что эквивалентом русского «события» является нем. *Ereignis*, которое прямо не используется в этом тексте, но будет использоваться в более поздних работах в смысле «истины бытия» или «становления собой». См.: [Heidegger 1989].

Спустя почти 70 лет, прошедших со времени их публикации, эти размышления поражают своей вдохновляющей прозорливостью и унылой безысходностью в одно и то же время. Впрочем, если не забывать, что перед нами мыслитель историчности, в принципе не интересовавшийся состоянием дел в исторической дисциплине, перестаешь удивляться амбивалентному впечатлению, который оставляет его текст. Но, как бы то ни было, Хайдеггер, безусловно, прав в том, что практикующим историкам в целом свойственно не утруждать себя вопросом, почему именно эти, а не другие события становятся предметом их изучения. Кроме того, на протяжении значительного времени они вообще предпочитали иметь дело с чем-то более солидным и надежным, чем «простые события», будь это какие-то устойчивые социально-экономические закономерности или процессы «большой длительности», которые, по мысли Ф. Броделя, являются подлинными героями истории, действующими в ее глубине, в то время как индивидуальные события суть не более чем их поверхностные эффекты [Бродель]. Даже революционный для теории всего гуманитарного знания лингвистический

поворот, произошедший в 1960–1980-е гг., хотя и заставил со всей серьезностью относиться к нарративной форме исторического изложения, все же не вывел событие на авансцену исторической рефлексии. Освободившись от подчинения безличным социальным или ментальным структурам, оно оказалось в зависимости либо от фикционального сюжета, как это видно на примере работ Х. Уайта периода «Метаистории» [Уайт 2002]¹, либо от повествовательной репрезентации, о чем свидетельствуют тексты Ф. Анкерсмита [Ankersmit 2001; Анкерсмит 2012]. Суть этой зависимости была хорошо схвачена Л. Минком:

«Повести (stories) не проживаются, а рассказываются. У жизни нет ни начала, ни середины, ни конца; бывают встречи, но начало любовного романа относится к повести, которую мы рассказываем себе позже, и бывают расставания, но окончательные расставания происходят только в рассказе. Есть надежды, планы, сражения и идеи, но только в ретроспективных рассказах есть несбывшиеся надежды, неудачные планы, решительные сражения и плодотворные идеи. Только в рассказе существует Америка, которую открывает Колумб,

¹ Позднее Уайт стал уделять гораздо большее внимание теме события и создал весьма оригинальную концепцию «модернистского события» [White 1999], для обсуждения которой здесь, к сожалению, у меня не остается места. См. также отдельную главу о событии, вошедшую в последнюю книгу Уайта «Практическое прошлое»: [White 2014].

и только в рассказе из-за нехватки гвоздя погибает королевство» [Mink 1970: 557–558].

С тех пор было предпринято немало попыток оспорить Минка и его единомышленников, как это делал А. Макинтайр, утверждавший, что «нарратив – это не работа поэтов, драматургов и писателей, отображающих события, которые не имели нарративного порядка до того, как он был навязан сказителем или писателем» [MacIntyre: 211]. Этот порядок органичен человеческой памяти, и без него нельзя получить никакого представления о собственной идентичности. Поэтому повести все же проживаются безотносительно, находят ли они потом свое литературное отображение или нет. В схожем ключе строили свои концепции о связи жизни (или временного опыта) и повествования феноменологи П. Рикёр [Ricoeur] и Д. Карр [Carr]. Но независимо от того, как отдельные теоретики-нарративисты видели природу этой связи, берущей начало в «самой жизни» или искусственно привнесенной туда из «литературы», событие удостаивалось их внимания лишь поскольку, поскольку оно осознавалось как функциональный элемент («смысловая единица») в составе некоего актуального или потенциального нарративного целого, имеющего отличную от него прагматику и несводимый к нему смысл (meaning). Победа над наследием позитивизма XIX в. достигалась ценой превращения истории

в фабрику по производству нарративов на любой вкус. Выходит, Хайдеггер был прав, отказывая историографии в способности вопрошать о смысле исторического события?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, стоит еще раз уточнить хайдеггеровскую концепцию историчности события. Она сложилась после известного «поворота» (Kehre), произошедшего во второй половине 1930-х гг. С этого момента историчность перестает быть одним из аспектов экзистенциальной аналитики Dasein («по сути лишь конкретной разработкой временности» [Хайдеггер 1997: 382]) и становится центральной темой в преодолении метафизики, допускающей «забвение бытия», с помощью особого типа философствования, который Хайдеггер называет «бытийно-историческим мышлением» (seynsgeschitliches Denken). Основная задача такого мышления состоит в раскрытии истины бытия, каковая, собственно, и есть событие (Ereignis). Иными словами, если для раннего Хайдеггера периода «Бытия и времени» вопрос об отношении «научной» историографии и собственной историчности Dasein («Последняя не обязательно нуждается в историографии. Века без историографии не остаются таковыми уже и без истории» [Хайдеггер 1997: 382]) решается простой констатацией их несоизмеримости, то поздний Хайдеггер создает специальный нарратив, назвав его «историей бытия», чтобы показать, на каком этапе забвения

бытия / преодоления метафизики мы сейчас находимся. Это рассказ о том, как греки впервые открыли для себя истину в качестве знаменитой *алетейи*, или непотаенности, но потом пренебрегли ею в пользу «технической» концепции истины у Платона, которую, в свою очередь, сменила идея бытия как *ens creatum* в Средние века, открывшая путь нововременной концепции бытия в качестве объекта для изучающего рассмотрения. Не вдаваясь в детали этого рассказа, я хотел бы только заметить, что в начатом им разговоре о событийной природе исторической истины позднему Хайдеггеру не удастся воздержаться от (говоря языком Х. Уайта) нарративного «осюжетивания» этой истины. Это обстоятельство накладывает видимые ограничения на предлагаемое Хайдеггером вопрошание о смысле события: оно оказывается ничем не лучше (и не хуже) всех прочих известных нам способов находить смысл события, глядя на него *sub specie* сюжетного повествования.

Это обстоятельство не осталось незамеченным Р. Рорти, разделяющим критическое отношение Хайдеггера к философии и науке модерна. Главным достижением хайдеггеровской мысли, в глазах Рорти, является преодоление концепции истины как «согласованности вещи и ума» (*adaequatio rei et intellectus*) и акцент на «равноисходном» (*gleichursprünglich*) существовании истины и бытия [Хайдеггер 1997: 230]. Последнее означает, что они находятся в отношении

взаимозависимости. И поскольку речь идет о бытии, существующем во времени, эти отношения всегда будут непрочными и неокончательными. Иными словами, главная заслуга Хайдеггера состоит в открытии *контингентности* любого человеческого проекта [Rorty]. Но Хайдеггер, по мысли Рорти, оказался не на высоте сделанного им открытия. «Забвение бытия», вменяемое им всей западной философской традиции, должно было привести к признанию равенства всех когда-либо существовавших философских словарей в их способности сообщать нам его истину. Однако Хайдеггер как будто остается недоволен их и своей собственной контингентностью. Он позволяет себе испытывать ностальгию по доплатоновской Греции, по эпохе, когда звучала исключительно внимательная к непотаенности бытия поэтическая речь, и берется писать «историю бытия», чтобы заново сделать нас чуткими к его истине.

С точки зрения Рорти, Хайдеггеру не достаёт самоиронии, чтобы воздержаться от представления (конечной и контингентной) истории западной мысли в виде «истории бытия» или «события» его истины. Впрочем, проблема Хайдеггера – не только его личная. Рорти полагает, что это проблема всей континентальной философии, начиная с Гегеля, пресловутый диалектический метод которого есть «не аргументирующая процедура, или способ воссоединения субъекта и объекта, но лишь литературное мастерство – умение

производить удивительные переключения гештальтов с помощью плавных и быстрых переходов от одной терминологии к другой» [Рорти: 109–110]. Давно превратившись в своеобразную литературную практику, западная философия все еще не может осознать своей нарративной природы. Философы делают вид, что пытаются найти «универсальный и необходимый характер индивидуального и случайного», но на самом деле только ищут «благородный предлог, оправдывающий капитуляцию философии перед поэзией» [Там же: 50]. Рорти рекомендует философам брать пример с Марселя Пруста, который не старался преодолеть время и случай, но использовать их для «переописания» своей жизни (заменяя унаследованные случайности теми, которые он изобрел сам). Ибо для Пруста как ироника «существуют лишь незначительные преходящие вещи, которые следует перерасположить посредством переописания» [Там же: 134]. Однако Рорти дает себе отчет в том, что философы вряд ли последуют его рекомендациям, «ведь им не доставляет удовольствия заниматься мелочами. Они хотят описывать большее» [Там же: 136]. Они хотят быть причастными возвышенному – чему-то «достаточно большому, чтобы обладать судьбой» [Там же: 137], будь это «История», «Европа» или «Бытие». Им очень хотелось бы, чтобы их частные проекты самосозидания, осуществляемые с помощью нарратива, имели бы еще и публичный характер. Поэтому

они вряд ли согласятся признать, что «разница между людьми и идеями является только поверхностной» [Там же: 135], а «Европа», «Дух» или «Бытие» – «простое нагромождение случайностей или продукты стечений обстоятельств».

Стоит, правда, отметить, что Рорти также не может отказать себе в причастности чему-то большему и судьбоносному. Как это ни странно, он верит в прогресс. И мыслит его как приближение состояния, когда благодаря усилиям художественных гениев, подобных Прусту, Набокову и Оруэллу, люди выработают такую чувствительность к боли другого человека, что перестанут друг друга унижать. Называя себя «либеральным ироником», он считает «признание общей чувствительности к унижению *единственно* необходимой скрепляющей социальной силой» [Там же: 126]. И признается, что его история представляет собой «исторический нарратив о возникновении либеральных институтов и обычаев – институтов и обычаев, которые были задуманы для понижения уровня жестокости, чтобы стало возможным управление через консенсус управляемых, и чтобы позволить коммуникацию настолько свободную от господства, насколько это было бы возможно» [Там же: 101]. Все это говорит о том, что Рорти тоже не удастся настолько избавиться от призрака возвышенного, чтобы не оказаться самому в роли последнего философа – той роли, которую столь забав-

но, на его взгляд, исполняли в свое время Гегель, Ницше и Хайдеггер.

Главная проблема Рорти, на мой взгляд, состоит в том, что он (так же, как и Хайдеггер) совершенно не интересуется состоянием современной ему историографии и исторической теории. Возможно, он полагает, что это такие интеллектуальные практики, которые, по примеру философии, предпочитают иметь дело с чем-то судьбоносным и не любят заниматься случайностями. В любом случае, приводимые им примеры контингентной событийности ограничены областью художественной литературы и все без исключений имеют дело с так называемым «приватным самосозиданием». Далее я постараюсь показать, что контингентная событийность является важнейшим элементом современной историографии и теоретического дискурса об истории.

Анкерсмит, философ истории, начинавший свой путь как бескомпромиссный нарративист в духе Минка, но впоследствии все же

не сумевший воздержаться от спекуляций на тему исторического возвышенного [Анкерсмит 2007] (чем, конечно, только подтвердил правоту Рорти, не верившего в способность философов истории обходиться без возвышенного)¹, тем не менее, написал однажды текст, в котором контингентная сущность исторического события выражена значительно нагляднее, чем у Рорти. В работе под названием «Эффект реальности в историописании» [Ankersmit 1994], рассуждая о связи историографического текста с реальностью прошлого, Анкерсмит берется показать, что эта связь не предшествует тексту (в виде авторской интенции, например), а производится им непосредственно. С этой целью он обращается к известной статье Р. Барта, в которой тот объясняет, как художественная проза и историография XIX в. создавали у своего читателя эффект присутствия при изображаемых событиях. По мысли Барта, этот эффект возникал в силу избыточности разного рода «ненужных» деталей обстанов-

¹ Справедливости ради следует заметить, что трактовка возвышенного у Рорти имеет мало общего с тем, что понимает под возвышенным Анкерсмит. Согласно Рорти, возвышенное – это любая сверхчеловеческая субстанция или сверхчеловеческий субъект истории. Анкерсмит же, в развитие идей Э. Бёрка и И. Канта, трактует возвышенное как событие отчуждения от привычного положения вещей и рождения нового взгляда на историческую реальность, т. е., по сути, как эпистемологическое событие. Однако, развивая свою концепцию возвышенного, Анкерсмит в какой-то момент все же начинает говорить о «западной цивилизации» как о главном субъекте истории. См. 8-ю главу: [Анкерсмит 2007].

ки, на фоне которой разворачивался литературный или исторический сюжет. Такие детали, или «нотации» (*les notations*), по Барту: барометр, возвышающейся на пирамиде из картонок и коробок в доме пожилой вдовы из «Простой души» Флобера, или дверь в камере ожидающей казни Шарлоты Корде из «Истории Франции» Мишле, – создают важный для повествования эффект присутствия, но одновременно осложняют его ход, задаваемый «предсказательной структурой» (*la structure prédictive*) – т. е. его синтагматическим порядком. Если предсказательная структура тождественна *смыслу* повествования, который создается его автором, писателем или историком, то

«чистое “изображение реальности”, голое изложение “того, что есть” (или было) как бы сопротивляется смыслу, подтверждая тем самым пространственную мифологическую оппозицию пережитого (то есть живого) и умопостигаемого. <...> Вымышленное повествование строится, по определению, согласно модели, основная норма которой связана с умопостигаемостью, и “реальность” (разумеется, воплощенная в письме) оказывает здесь весьма незначительное сопротивление структуре. Зато в историческом повествовании, обязанном излагать “то, что реально произошло”, отсылка к этой реальности становится основной; тут уже неважно, что деталь нефункциональна, главное, чтобы она прямо указывала на “то, что имело место”; “конкретная реальность” сама по себе является доста-

точной причиной, чтобы о ней говорить. Именно история (исторический дискурс – *historia rerum gestarum*) и служит образцом для тех видов повествования, где межфункциональные промежутки заполняются структурно излишними элементами» [Барт: 397–398].

Подхватив эту интуицию Барта, Анкерсмит демонстрирует, как практически всю историю западной историографии от Августина до наших дней можно представить в виде рассказа о напряженных, почти конфликтных отношениях между нотациями и предсказательной структурой, в которых нотации неизменно одерживают верх над некогда сковывающим их «смыслом»:

«Эта эволюция [историописания – А. О.] не есть все более глубокое проникновение в имеющийся исторический объект (как это, возможно, имеет место физической науке), а непрерывный процесс, в котором прежний смысловой центр уступает место тому, что казалось бессмысленным и неуместным в рамках предшествующего распределения смысла. И как Ориген убедился в истинности Евангелия именно благодаря тривиальности и варварству греческого языка, на котором они были написаны, так и историки полагают, что они могут постичь истину и реальность, мобилизовав неуместное и тривиальное. Давайте кратко посмотрим на темы, изучаемые в последние два века. Отправной точкой является религиозный взгляд на историю, разработанный Августином и все еще приемле-

мый в XVII веке Боссюэ. *Weltgeschichte* (всемирная история) и *Heilsgeschehen* (история спасения), по словам Лёвита, здесь еще тождественны. В эпоху Просвещения, с ее верой в прогресс, история спасения была секуляризирована и стала триумфальным шествием человеческого Разума. Именно Гегель дал величественное философское обоснование этой идее прогресса. Еще ближе к *нотациям* человеческого существования стояла национальная история Ранке и немецкий историзм. Новый слой *нотаций*, ранее считавшихся неуместными, был обнаружен в социальной и экономической истории, пропагандируемой Марксом и катедер-социалистами. И через историю права, историю институтов, историю географии и климата (Бродель и Ле Руа Ладюри) мы, наконец, достигаем истории ментальностей, разработанной за последние десять-двадцать лет, в которой радости и горести повседневной жизни, большие и малые, приобретают историческое измерение» [Ankersmit 1994: 160].

При этом Анкерсмит специально подчеркивает, что изображаемое им движение историографии – от «смысла» к «бессмысленному» и «неуместному» – не следует понимать как последовательное расширение предметных областей исторического знания, как если бы «каждый новый слой *нотаций* объяснял предыдущий. Но интеллектуальная история не объясняет историю религии; экономическая история, как признавал даже сам Маркс, не объясняет интеллектуальной истории, истории географии и кли-

мата; история ментальностей и гендерная история не объясняют ни экономическую, ни политическую историю» [Ankersmit 1994: 160]. Тогда напрашивается вопрос, есть ли какая-то другая логика, которая объясняла бы это движение. Анкерсмит не дает на него прямого ответа, но предельно ясно говорит о направлении этого движения – оно происходит в сторону воспринимающего его читателя / зрителя. Ведь разнообразные нотации оправдывают свою эффективность лишь постольку, поскольку они вовлекают нас в сюжетное действие и как бы сокращают дистанцию между ним и нами. Поэтому Анкерсмит говорит, что история идет нам «навстречу во многом подобно тому, как актер, двигаясь в направлении публики, оставляет позади себя различные кулисы» [Ankersmit 1994: 160]. Своей кульминации это движение достигает с появлением историографического жанра микроистории, который примечателен тем, что знакомит нас с жизнью более или менее заурядных людей прошлого (таких как мельник Меноккио из «Сыра и червей» К. Гинзбурга [Гинзбург] или ловкий мошенник, называвший себя Мартемом Герром, из известной работы Н.З. Дэвис [Дэвис]), умалчивая при этом о сколько-нибудь значительных событиях того же времени. Подобные микроистории, считает Анкерсмит, могли бы произойти веком раньше или позже (в действительности они происходят в XVI в.). Предсказательная структура,

о которой говорит Барт, в них практически исчезает – все становится нотацией. Анкерсмит весьма остроумно сравнивает эти микроистории с ready-made-инсталляциями в духе знаменитого «Фонтана» Марселя Дюшана или коробок Brillo Энди Уорхола. И те и другие проблематизируют границу, отделяющую репрезентацию от ее материального субстрата: мир искусства – от мира повседневности в случае объектов ready-made; прошлое – от настоящего в случае микроистории.

Эти размышления Анкерсмита позволяют лучше представить, на что может быть похоже событие, если попытаться мыслить его контингентно – не как часть предсказательной структуры под названием «государство», «нация», «народ», «социальный класс» и т. п., которая призвана оправдывать настоящий порядок вещей, выводя его из заведомо отличного от него прошлого, а как неподотчетную интенции историка нотацию, наглядность которой способна зародить у читателя сомнения в том, что прошлое так уж значительно отличается от настоящего: «В истории ментальностей мы соотносимся с нашими средневековыми или модерными предками примерно так же, как строятся наши отношения с соседями или коллегами» [Ankersmit 1994: 158]. В этой связи мне представляется чрезвычайно удачной попытка говорить о событии как о «категории отношений» (*relational category*), предпринятая

недавно редакторами 60-го номера журнала “History and Theory”, посвященного теме события:

«Не будучи самодовлеющей сущностью, событие скорее представляет собой категорию отношений: это точка сфокусированного внимания, которая одновременно структурирует и структурируется способами, которыми люди, группы и общества относятся к своему собственному времени. В повседневной речи, популярной исторической культуре и академической среде событие часто представляется как наименьшая единица времени, структурный элемент исторических процессов и нарративов. Однако, как убедительно показали структуралистские и нарратологические подходы, обратное гораздо ближе к истине. Даже самая полная агрегация событий не может составить более крупную единицу исторического понимания. Можно даже сказать, что без последнего нечего было бы агрегировать, поскольку идентичность события сама конституируется его положением в этих более широких горизонтах понимания» [Jung and Karla: 4].

Поэтому некоторые современные теоретики истории вообще предлагают перевернуть отношение, сложившееся с давних пор между временем и событием: перестать представлять время в виде универсального контейнера, содержащего события, и не говорить, что «события происходят во времени», но являются специфическим способом, который дает времени себя проявить [Jung and Karla: 4].

В современной теории истории начатое некоторое время тому назад переопределение понятия события оказалось настолько востребованным, что сегодня мы можем различать отдельные самостоятельные направления, сформировавшиеся в ходе его разработки. Одно из таких направлений можно было бы назвать «мнемоисторическим»¹. Оно начало складываться с 1970-х гг. благодаря работам П. Нора, который одним из первых в послевоенной французской историографии поставил вопрос о том, что по аналогии с более поздним концептом Ф. Артога («режим историчности») можно было бы назвать сменой «режимов событийности». Нора заявил о появлении события нового типа, которое он назвал «событием-монстром» [Nora]. Таковым он считал дело Дрейфуса, май 1968 г., высадку американцев на Луну в июле 1969 г. Все они, с точки зрения Нора, являются в первую очередь продуктом средств массовой информации, которые, стараясь удовлетворить характерный для современных обществ стабильно высокий спрос на новости, наделяют однажды случившиеся события дополнительными значениями, повышая тем самым их символическую стоимость. Ж. Дюби, историк из школы «Анналов», в похожем ключе размышлял о сра-

жении при Бувине 1214 г. [Duby], которое не имело бы столь большого значения во французской истории, если бы не «следы» памяти, возникшие позднее в совершенно другом политическом и культурном контексте. Как справедливо замечает З. Чеканцева в обзоре этого направления во французской исторической мысли, Дюби интересуется «содержание события в момент, когда оно “имело место”, но прежде всего тот шлейф трансформирующегося во времени смысла, который и придает такому исследованию открытый характер, ибо в поле зрения исследователя попадают <...> нереализованные возможности, не замеченные современниками, но неожиданно актуализированные их потомками» [Чеканцева: 26].

Другое направление в концептуализации исторического события, ставшее заметным за последние пять – десять лет, возникло вследствие происходящего в теории истории темпорального поворота, в ходе которого был проблематизирован линейный порядок исторического времени, поддерживаемый классическим (или «девелопментальным») историзмом XIX – первой половины XX в. Согласно одному из наиболее ярких теоретиков истории, работающих в этом направлении, венгерскому исследователю З.Б. Симону

¹ Для обозначения этого направления я пользуюсь термином М. Тамма [Tamm].

[Симон], сегодня на смену классической процессуальной темпоральности приходит так называемая «событийная темпоральность», чья структура определяется ожиданием радикальных перемен (преимущественно техногенного характера), которые никак не детерминированы предшествующим ходом истории [Simon]. Однако в мою сегодняшнюю задачу не входит обзор данной проблематики. Здесь мне было достаточно показать возможности контингентного понимания исторического события¹.

Литература

- Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А. Олейникова. М.: Европа, 2007.
- Анкерсмит, Ф.Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2012.
- Барт, Р. Эффект реальности // Избранные работы: семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 392–400.
- Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. / пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002–2003.
- Гинзбург, К. Сыр и черви. Картина жизни одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000.
- Дэвис, Н.З. Возвращение Мартена Герра / пер. с англ. А.Л. Величанского. М.: Прогресс, 1990.
- Логос. Философско-литературный журнал. 2021. Т. 31. № 4. «Темпоральный поворот и реполитизация истории».
- Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- Симон, З.Б. Трансформация исторического времени: процессуальные и событийные темпоральности // Логос. 2021. Т. 31 (4). С. 219–246.
- Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.
- Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Биbihина. М.: Ad Marginem, 1997.
- Хайдеггер, М. Наука и осмысление // Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 238–253.
- Чеканцева, З. Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте реф-

¹ Всех, кто может заинтересоваться проблематикой темпорального поворота, я отсылаю к специально посвященному ей номеру журнала «Логос», вышедшему под моей редакцией в 2021 г. [Логос].

лексивного поворота по-французски // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2014. Вып. 48. С. 14–30.

Ankersmit, F.R. (2001). *Historical representation*. Stanford: Stanford University Press.

Ankersmit, F.R. (1994). The reality effect in the writing of history. In F.R. Ankersmit, *Tropology and history*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 125–161.

Carr, D. (1991). *Time, narrative, and history*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Duby, G. (1973). *Le Dimanche de Bouvins*. Paris: Gallimard.

Heidegger, M. (1989). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.

Jung, T. & Karla, J. (2021). Times of the event. Introduction. *History and Theory*, 60 (1), 75–85.

MacIntyre, A.C. (2007). *After virtue: a study in moral theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.

Mink, L. (1970). History and fiction as modes of comprehension. *New Literary History*, 1 (3), 541–558.

Nora, P. (1974). Le retour de l'événement. In J. Le Goff, & P. Nora (Eds.), *Faire de l'histoire: Nouveaux problèmes*. Paris: Gallimard, 210–229.

Ricoeur, P. (1983–1985). *Temps et récit*. Tomes I–III. Paris: Seuil.

Rorty, R. (2005). Heidegger, contingency, and pragmatism. In H.L. Dreyfus, & M.A. Wrathall

(Eds.), *A companion to Heidegger*. Oxford: Blackwell, 511–532.

Simon, Z.B. (2019). *History in times of unprecedented change: a theory for the 21st Century*. New York: Bloomsbury Academic.

Tamm, M. (2015). Introduction: afterlife of events: perspectives on mnemohistory. In M. Tamm (Ed.), *Afterlife of events: perspectives on mnemohistory*. London: Palgrave Macmillan, 1–26.

White, H. (2014). The historical event. In H. White, *The practical past*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 41–62.

White, H. (1999). The modernist event. In H. White, *Figural realism: studies in the mimesis effect*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 66–86.

References

Ankersmit, F.R. (2001). *Historical representation*. Stanford: Stanford UP.

Ankersmit, F.R. (2012). *Political representation* (A. Glukhov, Trans.). Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ.

Ankersmit, F.R. (2007). *Sublime historical experience* (A. Oleynikov, Trans.). Moscow: Evropa.

Ankersmit, F.R. (1994). The reality effect in the writing of history. In F.R. Ankersmit, *Tropology and history*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 125–161.

Barthes, R. (1994). L'effet de réel [Effect of reality]. In R. Barthes, *Izbrannyye raboty*.

Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 392–400.

Braudel, F. (2002–2003). *La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II* [The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II] (3 vols.). (M. Yusim, Trans.). Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury.

Carr, D. (1991). *Time, narrative, and history*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Chekanceva, Z. (2014). Mezhdú Sfinksom i Feniksom: istoricheskoe sobytie v kontekste reflektivnogo povorota po-francuzski [Between the Sphinx and the Phoenix: a historical event in the context of a French reflexive turn]. *Dialog so vremenem. Almanakh intellektual'noj istorii* [A dialogue with time. An Almanac of Intellectual History], 48, 14–30.

Davis, N.Z. (1990). *The return of Martin Guerre* (A. Velichanskii, Trans.). Moscow: Progress.

Duby, G. (1973). *Le Dimanche de Bouvins* [Bouvins' Sunday]. Paris: Gallimard.

Ginzburg, C. (2000). *Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del Cinquecento* [The cheese and the worms: the cosmos of a sixteenth century] (M.L. Andreev, & M.N. Arkhangelskaya, Trans.). Moscow: ROSSPEN.

Heidegger, M. (1989). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* [Articles on philosophy (About the event)]. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.

Heidegger, M. (1997). *Sein und Zeit* [Being and time] (V. Bibikhin, Trans.). Moscow: Ad Marginem.

Heidegger, M. (1993). Wissenschaft und Besinnung [Science and reflection]. In M. Heidegger, *Vremya I bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches] (V. Bibikhin, Trans.). Moscow: Respublika, 238–253.

Jung, T., & Karla, J. (2021). Times of the event. Introduction. *History and Theory*, 60 (1), 75–85.

MacIntyre, A.C. (2007). *After virtue: a study in moral theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.

Mink, L. (1970). History and fiction as modes of comprehension. *New Literary History*, 1 (3), 541–558.

Nora, P. (1974). Le retour de l'événement [The return of the event]. In J. Le Goff, & P. Nora (Eds.). *Faire de l'histoire: Nouveaux problèmes* [Making history: New problems]. Paris: Gallimard, 210–229.

Oleynikov, A. (Ed.). (2021). *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal* [Logos. Philosophical and literary magazine]. 31 (4).

Ricœur, P. (1983–1985). *Temps et récit* [Time and narrative] (Vols. I–III). Paris: Seuil.

Rorty R. (1996). *Contingency, irony, solidarity* (Y. Khestanova, & R. Khestanov, Trans.). Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.

Rorty, R. (2005). Heidegger, contingency, and pragmatism. In H.L. Dreyfus, & M.A. Wrathall (Eds.), *A companion to Heidegger*. Oxford: Blackwell, 511–532.

Simon, Z.B. (2019). *History in times of unprecedented change: a theory for the 21st century*. New York: Bloomsbury Academic.

Simon, Z.B. (2021). The transformation of historical time: processual and evental temporalities. *Logos*, 31 (4), 219–246.

Tamm, M. (2015). Introduction. In M. Tamm (Ed.), *Afterlife of events: perspectives on mnemohistory*. London: Palgrave Macmillan, 1–26.

White H. (2002). *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*

(E. Trubina, & V. Kharitonov, Trans.). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

White, H. (2014). The historical event. In H. White, *The practical past*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 41–62.

White, H. (1999). The modernist event. In H. White, *Figural realism. Studies in the mimesis effect*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 66–86.

Для цитирования: Олейников, А.А. Событие: история вне сюжета // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 19–35. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-19-35

For citation: Oleynikov, A.A. (2023). Event: History beyond the plot. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (1), 19–35. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-19-35

EVENT: HISTORY BEYOND THE PLOT

Andrey A. Oleynikov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Co-Director of the Political Philosophy Program, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (Shaninka) (Moscow, Russia); Visiting Researcher, Bielefeld University (Bielefeld, Germany); e-mail: andrey.oleynikov@gmail.com

Abstract. The author is looking for an opportunity to analyze the nature of a historical event, free from deterministic and constructivist premises of scientific thinking, and not reducible to the logic and pragmatics of the structuralist and narrativist approaches. It starts from Heidegger's understanding of it as "un-overpassed" (das Unumgängliche) scientific historiography and the so-called "unhidden" truth (aletheia). Since within the Heideggerian "being-historical thinking" the event reveals its derivative from the narrative structure of the "history of being", an attempt is made to clarify the properties of the historical event with the help of its neopragmatist interpretation proposed in the works of R. Rorty. The latter sees the merit of Heidegger in the discovery of the contingency of any human project. However, Heidegger, according to Rorty, was not up to the mark of his discovery. He lacked the self-irony to refrain from presenting his own, finite and contingent, history of Western thought in terms of the "history of being" and the "event" of his truth. At the same time, Rorty does not hide his skepticism about the ability of philosophers to do without the "fateful" historical meaning. Rorty does not provide for any specificity of the historical event, reducing it without a trace in favor of private "self-creation" carried out by means of fictional narrative. Therefore, the author finds the work "The Effect of Reality in Historical Writing" by F. Ankersmit more suitable for clarifying the contingent nature of a historical event, according to which the "non-functionality" of the details of ekphrasis can radically change the meaning of the historical narrative and even abolish the distance separating the past from the present. The text ends with a brief overview of the conceptions of historical event, which are developed in modern historical theory independently of Ankersmit, but reveal a similar view of the contingency of this event.

Key words: Event, Contingency, Historical Narrative, Theory of History, Temporal Turn

